Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2020. Философов «Про Чехова»

Русские писатели почти никогда не ограничивались «чистым искусством». Все они философствовали, занимались политикой, — словом, были «учителями жизни». Чехов до самой смерти остался только художником. Он избегал высказываться по каким бы то ни было вопросам, занимавшим русское общество.

Конечно, ему приходилось сталкиваться с людьми самыми разнообразными, высказывать свои мнения. Но это были мнения собеседника, а не учителя.

Он — не учитель, а, скорей, любимый друг и брат. Врач, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько совсем особенным, душевным отношением к пациенту. Ведь от врача далеко не всегда требуют излечения. В нем ценят внимание. Тысячи больных в больнице. Не отличишь одного от другого. И все притом страдают одной болезнью, ну, тифом, что ли. Врач только тогда сделается любимым, если он заметит каждого из этих незаметных людей, поймет, что для холостого Ивана тиф совсем не то, что для обремененного семьей Петра.

Чехов замечал незаметных людей. Более того, он нежно любил их, как-то изнутри понимал их несложные, но сколь для них важные переживания, а главное — ничего от них не требовал.

В сущности, и дядя Ваня, и Николай Алексеевич Иванов, и Треплев, и Астров, не говоря уже о сестрах Прозоровых, подполковнике Вершинине и т.д., — самые серые, незаметные люди.

До Чехова их как бы не существовало. Их никто не замечал. Они скорбели, страдали, радовались, влюблялись в каком-то коллективном одиночестве. Но пришел Чехов, заметил их и как-то утвердил. Ни в чем реальном он этим маленьким людям не помог. Не указал им выхода, не разрешил ни одного мучившего их вопроса.

Но ведь и старая нянька Марина не вылечила капризничающего профессора, не создала ему успеха, не вернула его на кафедру. Однако она, несомненно, ему помогла. В атмосферу общего недомогания и раздражения она внесла нежную, человеческую ласку. Признала за профессором право быть таким,

каков он есть, признала законность его капризов.

— Пойдем, светик… Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею, Богу за тебя помолюсь. У самой-то у меня ноги так и гудут, так и гудут!

Здесь как бы весь Чехов. Он с особым искусством умел поить нас липовым чаем, а главное — за всеми его словами чувствовалось, что ножки у него так и гудут, так и гудут! Он никому не обещал спасения, не говорил, что у него есть «секрет». Но все твердо знали, что он преисполнен жалости и сострадания.

И не три, а триста тысяч «сестер» почувствовали сразу облегчение. Конечно, временное, потому что Чехов лечил не болезнь, а симптомы ее, но все-таки облегчение.

Остапа Тарас Бульба не спас от смерти, но все-таки Остапу было легче от сознания, что батька его слышит.

— Батько! Где ты? Слышишь ли ты все это?

— Слышу! — раздалось среди общей тишины… Остап — герой. Его стоны, притом на площади, перед «миллионом народа», услышать гораздо легче, чем даже не стоны, а хрипы миллионов маленьких людей, сидящих в своих конурах. Здесь нужны какие-то микрофоны, здесь нужен слух какого-нибудь индейца из романа Фенимора Купера, слух «Следопыта».

Требовательные люди — жестоки. У Чехова жестокости нет никакой. «Все мы беспощадны, и всего беспощаднее, когда мы правы», сказал Герцен. Чехов не беспощаден, потому что он никогда не считал себя правым. Жизнь он принимал так же покорно, как и смерть. Не надо забывать, что лучшие свои вещи он написал, ясно ощущая смерть, которая годами боролась с ним. Смерть как бы жила в нем. На жизнь он смотрел под знаком смерти. Беспощадны жизнь и смерть. Люди же должны жалеть и щадить друг друга.

Мудрый художник пожалел, пощадил нас. Помянем его за это с благодарностью. Но сами себя жалеть, мы не имеем права.